

Словно густая липкая пелена, след от прыжка окутал чувства Син.

Она должна была ощущать ремни безопасности фиксирующего ложемент, напряжённое дыхание Март 7 неподалёку и ту неизменно ледяную ауру Дань Хэна, что выдавала его присутствие всегда и везде.

Но когда она открыла глаза, вокруг царила лишь темнота — не обычная темнота, а какая-то тяжёлая, пропахшая металлической ржавчиной тьма, словно её заживо замуровали в самом сердце земных недр.

— Март 7? — её голос отскочил от тесных стен, породив пустое эхо.

Никакого ответа.

Син попыталась пошевелиться и поняла, что подо мной вовсе не сиденье фиксирующего ложемент, а грубая каменистая почва.

Её спина упиралась в ледяную скалу, а висевшая на поясе бейсбольная бита впивалась в рёбра, отзываясь знакомой пульсацией — но более частой, чем обычно, будто забилося ускорившееся сердце.

Она нащупала путь вверх, и её кончики пальцев коснулись неровного рельефа каменной стены.

Это были следы рукотворного труда, но столь древнего, что влажный воздух давным-давно сгладил и размыл их до неузнаваемости.

Издали донёсся звук капающей воды, чей ритм был столь правильным, будто работал какой-то метроном.

— Нижний район.

Это слово сорвалось с её губ с абсолютной уверенностью в голосе.

Она не знала, «откуда» ей это известно или она просто «догадалась», но следы ледяных кристаллов на бите слегка теплели, словно подтверждая её слова.

Син двинулась вдоль скалы, и каждый её шаг рождал шорох осыпающейся мелкой крошки.

В темноте не существовало никаких ориентиров, и ей оставалось полагаться лишь на изменения температуры самой биты: едва в каком-то направлении тепло чуть возрастало, она

поворачивала туда.

То была не физическая температура, а нечто гораздо более тонкое — отклик, неразрывно связанный с «узами».

А затем она услышала дыхание.

Не своё собственное.

Чужое — лёгкое, сдержанное, полное подавленной, почти звериной настороженности.

Син остановилась, крепче сжала биту и заставила пульсацию обоих узоров совпасть с биением собственного сердца.

— Кто здесь? — её голос расталкивал темноту.

Никакого ответа.

Но дыхание стало ближе.

Настолько близко, что она уже могла разобрать его ритм: короткий вдох и долгий выдох, напоминающий подготовку крупного представителя кошачьих перед прыжком.

У Син на затылке зашевелился пушок: это был не страх, а куда более первобытная, инстинктивная реакция тела на опасность.

Она резко бросилась влево.

Коса пронеслась в опасной близости от её правого уха, и поднятый ею вихрь воздуха срезал несколько прядей волос.

Лезвие со звоном врезалось в камень, выбив сноп искр и очертив в темноте короткую дугу — её хватило, чтобы Син успела разглядеть очертания нападавшей.

Это была девушка.

На полголовы ниже Син, с коротко стриженными тёмно-синими волосами, напоминающими ночное небо, и неровными, рваными прядями на затылке.

В угасающем свете искр её глаза отражали призрачно-голубое сияние — и дело было вовсе не

в цвете зрачков, а в чём-то более глубоком, переливчатом, словно само Море Квантов: бесчисленные крошечные точки света кружились в глубине её радужки, напоминая сжатые галактики или застывшие приливы.

— Твои глаза, — помимо воли вырвалось у Син, — прямо как Море Квантов.

Коса замерла в воздухе.

Выражение лица нападавшей на мгновение рухнуло и выстроилось заново: от ледяной жажды убийства до ошеломлённой пустоты, сменившейся уязвлённой, яростно подавляемой злостью.

Этого краткого мига Син хватило, чтобы перекатиться на другой конец каменной стены. Она выставила биту перед собой, приняв защитную стойку, хотя даже не знала, откуда умеет так стоять.

— ...Чего? — голос нападавшей оказался холоднее её взгляда, напоминая сочащуюся из земных глудней ключевую воду.

— Море Квантов, — повторила Син, у которой всё ещё учащённо билось сердце, но голос звучал удивительно спокойно. — Я видела его в каком-то... воспоминании. Синее, полное движущихся огоньков. Твои глаза — точь-в-точь.

Хозяйка косы — та самая синеволосяя девушка — вперила в неё долгий, изучающий взгляд.

Искры уже погасли, но на сетчатке глаз Син продолжал жить отпечаток тех зрачков, словно выжженное клеймо.

— Ты не из Верхнего района.

Это прозвучало не как вопрос.

— Я прилетела с небес, — ответила Син. — Звёздный экспресс. Освоение...

— Лгунья.

Коса взметнулась вновь, но на этот раз медленнее, чем прежде — словно хищник, испытывающий сомнения и заново оценивающий добычу. — Прихвостень из Верхнего района, в их форме, с их сказками. Дикий Огонь никогда не...

— Дикий Огонь?

Движения синеволосой девушки вновь замерли.

То, что Син «совершенно не испытывала страха», явно выходило за рамки её опыта: обычно, когда её коса оказывалась у чужего горла, она видела либо ужас, либо мольбу о пощаде, либо ту презираемую ею спесь, что свойственна лишь жителям Верхнего района.

Но эта сероволосая девчонка...

Эта сумасшедшая в странной форме, с бейсбольной битой наперевес, свалившаяся буквально с неба.

Её первой реакцией стало восхищение собственными глазами, второй — вопрос, а третьей...

— Ты живёшь одна? — спросила Син.

— ...Чего?

— Подземье. Ты живёшь одна? — Син болтала так непринуждённо, будто вела светскую беседу.
— Здесь вообще есть вайфай?

Угол наклона косы сместился.

От уровня горла к плечу.

Это движение было настолько неуловимым, что его почти невозможно заметить, но Син заметила — и её бейсбольная бита тоже.

Узор из ледяных кристаллов на её древке слегка потеплел, предчувствуя какой-то скрытый резонанс.

— Узор на твоём оружии, — продолжила Син, переводя взгляд на лезвие косы, — это бабочки?

— Заткнись.

— Очень красиво. Синие, совсем как твои глаза.

— Я сказала, заткнись!

Синеволосая девушка повысила голос, но в нём не было злой ярости — лишь испуганная, задетая за живое защита.

Её коса окончательно перешла из атакующей стойки в угрожающую: остриё уставилось в землю, но рукоять по-прежнему оставалась натянутой тетивой, готовой в любой момент взмыть вверх.

— За мной, — бросила она.

— Куда?

— Дикий Огонь. Наташа хочет тебя допросить.

— Кто такая Наташа?

— Глава Дикого Огня. Врач.

Синеволосая девушка развернулась, знаком приказывая Син следовать за ней. — Без фокусов, я быстрее тебя.

— Ты так и не назвала своего имени.

— ...Силь.

— Син.

Спина Силь на секунду напряглась, но та продолжила путь, шагая так быстро, будто пыталась от чего-то сбежать.

Син последовала за ней; бейсбольная бита в её руке тихонько теплела, и пульсация ледяного узора отзывалась на какую-то новую частоту — не на розовый цвет Март 7, а на иной оттенок, более глубокий, одинокий, подобно фосфоресцентному свечению обитателей морских глудней.

По шахтным туннелям завязалась погоня.

Точнее, это была не погоня Син за Силь — Силь её «испытывала».

Силуэт синеволосой девушки то появлялся, то исчезал в проходах шахты, словно развеянный ветром дым.

Син заметила странную особенность: там, где проходила Силь, в воздухе оставались едва заметные синие шлейфы, похожие на пыльцу с крыльев бабочки, которые мерцали во тьме несколько секунд, а затем таяли.

Син попыталась коснуться этих следов бейсбольной битой.

В тот самый миг, когда пальцы коснулись древка, в её сознание потоком хлынула чужая «эмоция» —

Ярость.

Не направленная на Син, а на нечто неизмеримо более грандиозное, на непоколебимый суровый рок.

Словно подземная лама, которую сдерживает толща породы, но она всё равно продолжает пылать.

Одиночество.

Бездонное, бескрайнее одиночество, будто человек стоит в бесконечном туннеле, где впереди и позади лишь мрак, без конца и без эха.

Защитный инстинкт.

Самый сильный, самый согревающий, подобно случайно обнаруженному в глубинах земли горячему источнику.

И эта жажда защищать распространялась вовсе не на всех — она была адресной, узкой, острой, как лезвие ножа: лишь на некоторых, лишь на избранных, на...

Син едва не оступилась, сбитая с ног мощным всплеском этой последней эмоции.

— Ты чего? — Силь остановилась впереди, не оборачиваясь.

— Ничего, — Син выровняла дыхание. — Твоя... дорога тут скользковата.

Силь ничего не ответила, но шаг её заметно замедлился.

Син обратила внимание, что насыщенность этих синих следов постоянно менялась: когда эмоции Силь бушевали, шлейфы становились гуще; когда она заставляла себя успокоиться — бледнели.

Это было не проявлением какой-то сознательной способности, а неконтролируемой особенностью, неразрывно вплетенной в самый её «эфир».

— Ты, — внезапно подала голос Силь из темноты, — почему не боишься?

— Чего бояться?

— Меня. Косу. Подземье. — В голосе Силь звучало неподдельное недоумение. — Любой на твоём месте уже бы дрожал.

Син задумалась.

Бейсбольная бита в её руке слабо теплилась, и пульсация двух узоров сплеталась в гармоничный ритм.

— Потому что ты защищаешь меня.

— Чего?

— Вот эти синие штуки, — пояснила Син. — Твои... эмоции. Они говорят сами за себя. Говорят, что ты вовсе не хочешь меня убивать, что ты просто... настороже. Что ты привыкла сначала заносить оружие, а уже потом задавать вопросы.

Фигура Силь замерла окончательно.

Туннель здесь был чуть шире обычного, и под потолком висел заброшенный шахтный фонарь, источая слабый, затухающий свет.

Силь обернулась, и её синие глаза замерцали в полумраке подобно двум догорающим звёздам.

— Ты... — её голос упал до шепота, — видишь их?

— Не вижу, — поправила Син. — Чувствую. С помощью этой биты.

Она подняла бейсбольную биту, позволяя тусклому свету шахтного фонаря скользнуть по её поверхности.

Узор из ледяных кристаллов слабо мерцал в холодном свете, напоминая пробуждающуюся ледяную змейку.

Взгляд Силь упал на гравировку, зрачки сузились.

Её рука непроизвольно потянулась к собственной груди — там под одеждой угадывались

очертания какого-то предмета, похожего на значок или кулон.

— Резонансер, — процедила Силь сквозь зубы, вложив в это слово нежелание признавать очевидное и почти горькую уверенность.

— Что?

— Ничего. — Силь резко развернулась и зашагала ещё быстрее прежнего. — Не отставай. Поспевай за мной. Твари Разлома в Подземье куда опаснее прихвостней из Верхнего района.

Син шла следом, но на этот раз держалась ближе.

Настолько близко, что уже могла улавливать исходивший от Силь аромат — вовсе не сырую плесень, положенную подземным жителям, а нечто более чистое, с примесью металла и целебных трав, словно отпечаток врачебной заботы Наташи, навсегда оставшийся на Силь.

— Ты живешь одна? — снова спросила Син.

— ...Нет.

— С семьей?

— У меня нет семьи.

— Друзья?

Шаг Силь на миг едва заметно споткнулся.

Те синие шлейфы в воздухе вдруг сгустились, как потревоженная гладь озера.

— ...Есть.

— Из Дикого Огня?

— Заткнись.

Но на этот раз её «заткнись» прозвучало гораздо мягче предыдущих — скорее как усталый вздох капитуляции.

Силь чуть иначе перехватила косу: из вертикального положения перевела в горизонтальное, и лезвие отразило крошечный блик фонаря, напоминая сложившую крылья бабочку.

Син заметила, что рукоять косы была обмотана полоской ткани; её цвет давно выцвел настолько, что первоначальный узор угадывался с трудом, но по краям шли аккуратные мелкие стежки — сшито вручную, притом давным-давно.

Чьих-то рук дело. Свидетельство о ком-то, кого оберегали.

— Бабочка, — вдруг произнесла Син, — это твой друг подарил?

Спина Силь окостенела, превратившись в монолитную скалу.

— ...Откуда ты знаешь?

— Догадалась, — ответила Син. — Красивые вещи обычно дарят самые близкие люди.

Туннель впереди раздвоился, и Силь выбрала более узкий левый проход.

Син шла за ней в ногу, плечом задевая каменную стену и ощущая влажную, насыщенную минералами прохладу.

Ледяной кристалл на бите раскалился здесь ещё сильнее, предчувствуя скорое приближение к цели.

— Она, — голос Силь прорезал тишину, тихий, будто она разговаривала сама с собой, — говорила, что бабочки способны перелететь через любую стену. И через стену между Верхним и Нижним районами тоже...

Она не договорила.

Син тоже не стала допытываться.

Она просто шла рядом, чувствуя, как сгущаются синие тени в воздухе и как кребнет в них та самая «жажда защищать» —

Эта забота тянулась невидимой нитью от груди Силь, пронзая толщу скал, сквозь метели и бураны, сквозь невидимую пропасть, разделяющую Верхний и Нижний районы.

Тянулась к кому-то, кого Син пока ещё не встречала.

— Почти пришли, — бросила Силь, и в её голосе вновь прорезалась прежняя прохлада, но лезвие косы опустилось ещё ниже, от плеча к бедру, обозначая негласное, нехотя заключенное перемирие.

Син покрепче сжала биты, ощущая мерный пульс обоих узоров на её древке.

След данных был стабилен, след ледяных кристаллов — невесом, а теперь к ним примешивалась новая нота: более глубокая, одинокая, как излучение обитателя морских глубин, заново познающего свет.

Она вспомнила то анонимное сообщение.

****«Ветер Белобога сорвёт завесу тёмной материи».****

В Подземье не было ветра.

Но Син чувствовала, как в пространстве зреет нечто неуловимое — в синих миражах Силь, в резонансе бейсбольной биты, в затаившемся под её собственной груди ещё не до конца осознанном Звездном ядре.

Завеса тёмной материи медленно падала под напором чьей-то невидимой руки.

А этот «любитель пошутить» сидел на какой-то незримой трибуне и аплодировал их случайной встрече.

****«Глава седьмая завершена».****

****«Глава восьмая: Разблокировано достижение — Первое знакомство в Подземье».****

****«Анонс следующей главы: Измеритель температуры Дикого Огня».****

Син моргнула.

Символы исчезли.

Но она знала: кто-то прямо сейчас фиксирует каждый её шаг.

То не была Хэйта, не Пам-Пам и никто из её знакомых.

Нечто гораздо более далёкое, насмешливое и пропитанное чистым «весельем».

И на этот раз она улыбнулась в спину Силь, словно обращаясь к ещё не ставшему другом человеку:

— Бабочки и правда могут перелететь через любую стену.

Силь едва заметно качнулась от неожиданности.

Но не обернулась.

Шахта тянулась вперёд, уходя всё глубже и прокладывая русло, залитое мягким голубым фосфоресцирующим светом.

<http://bllate.org/book/19707/1938009>